

«Электротерапевты» не щадят своих коллег

Анна Шамбурова, Информационный бюллетень Фонда «Общественный вердикт» № 1, 2005 г.

Десятого сентября 1998 года жительница города Богородска Светлана Урутина обратилась в ГОВД с заявлением об исчезновении несовершеннолетней дочери Марии Савельевой. Восьмого сентября девушка ушла из дома и не вернулась. Ее подруга Юлия Крылова сказала, что Маша с двумя молодыми людьми уехала покататься на «девятке» в Нижний Новгород. «Пробив» номер машины, следователи выяснили, что она принадлежит сотруднику спецполка дорожно-постовой службы Алексею Михееву. Именно с ним в последний раз видели пропавшую девушку.

Нижегородские правоохранители «раскрыли» дело за девять дней. Они допрашивали Михеева так самозабвенно, что вынудили его выбраться из окна кабинета...

Как задерживали Михеева

Из первого протокола допроса Алексея Михеева следователем Богородского ГОВД Наумовым 10 сентября 1998 года:

«Вечером 8 сентября 1998 года я, Алексей Михеев, со своим другом Ильёй Фроловым на моей машине поехал в г. Богородск Нижегородской области. Там мы познакомимся с двумя девушками, Савельевой Марией и Крыловой Юлией. После того как мы покатались по городу, Крылова Юлия попросила отвезти ее домой, что я и сделал. Мария Савельева поехала вместе с нами в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде она попросила отвезти ее обратно в Богородск. Я отказался, так как была ночь и я устал, поэтому предложил девушке переночевать у меня, объяснив, что дома родители и ей нечего бояться. Однако Мария отказалась и вышла на автобусной остановке, сказав, что пойдет к знакомым. Больше я Марию Савельеву не видел...».

10 сентября в Богородский ГОВД был доставлен Илья Фролов. После нескольких часов беседы со следователем Наумовым Алексея и Илью поместили на всю ночь в камеру, забрав документы. Никаких обвинений им формально не предъявляли, однако следователи уже начали «раскручивать» версию изнасилования и убийства Марии Савельевой. Главными подозреваемыми были Алексей Михеев и Илья Фролов...

11 сентября 1998 года дело против Алексея Михеева еще не было возбуждено. Но в этот день сотрудники Богородского ГОВД Дунаев, Наумов и Тюльченко провели обыски квартиры и машины Алексея Михеева. Ордера на обыск у следователей не было. Обыски были запротokolированы как «осмотр места происшествия». Из машины, на которой ездил Алексей Михеев, работники милиции

якобы изыли три пистолетных патрона. Понятые при осмотре машины не присутствовали и были приглашены для подписания протокола лишь тогда, когда «обнаруженные» патроны уже лежали на сиденье машины. В тот же день сотрудником ГОВД Абдуллаевым был произведен обыск на даче у Фролова. Протокол при осмотре не составлялся, понятые отсутствовали. Вещественных доказательств убийства и изнасилования милиционеры при «обысках» не нашли.

Однако сотрудники Богородского ГОВД решили задержать Михеева и Фролова для продолжения допросов по убийству Марии Савельевой. Следователи Дунаев, Наумов и Тюльченко сфальсифицировали рапорты о совершении Михеевым и Фроловым мелкого хулиганства на вокзалах г. Богородска около 22 часов 10 сентября 1998 года. Как раз в это время «хулиганы» находились под арестом в ГОВД. Но судью Богородского районного суда этот факт не смутил. 12 сентября 1998 года она вынесла постановление об административном аресте Алексея Михеева и Ильи Фролова на 5 суток с 11 сентября 1998 года. Начались интенсивные «допросы» подозреваемых.

Как допрашивали Фролова

Илью Фролова допрашивали в течение пяти дней. Допрашивали долго, с редкими перерывами. Правда, почти не били, заставляли сознаться в изнасиловании и убийстве Марии Савельевой и написать явку с повинной. Он не сознался. 16 сентября утром Фролова освободили из-под ареста. Днем его вызвали в Ленинский РУВД для допроса уже в качестве свидетеля. Протокол допроса не удовлетворил следователей. Фролов отказывался признать вину. После допроса его избил начальник ОУРа подполковник Иванников. Иванников угрожал:

– Если не подпишешься в убийстве, мы подключим к тебе ток, а электрод под напряжением засунем в задницу. Это очень больно, и у тебя оттуда долго будет идти кровь...

Ни побои, ни красочные описания пыток на Фролова не подействовали. Тогда подполковник Иванников распорядился задержать Фролова за якобы совершенное им мелкое хулиганство. Утром 17 сентября 1998 года Илья Фролову дали подписать протокол о том, что он привлекается к административной ответственности за оскорбление милиционеров во время допросов. Фролов написал в протоколе, что с содержанием не согласен. Около 16 часов его отпустили домой. Через три часа его вновь задержали и насильно доставили в Ленинское РУВД. В РУВД, в кабинете начальника его уже ждали заместитель начальника УВД Ни-

жегородской области Петр Сибирев и заместитель прокурора Нижегородской области Владимир Муравьев.

– Я – зампрокурора области. И мне ничего не стоит упереть тебя в камеру с туберкулезниками, где нет солнечного света. Там ты точно заболеешь... А сокамерникам твоим мы обязательно объявим, за что ты сел. За изнасилование несовершеннолетней. Чувешь? Плохая статья – тебя за это или изнасилуют, или убьют. Ну а если не убьют, – продолжил фантазировать Муравьев, – я постараюсь, чтобы тебе как минимум 25 лет дали. Да и на вышку ты потянешь с такой статьей. Ну что, признаешься?

Фролов выслушал «предложение» и попросил вызвать адвоката. Фролову отказали.

К Муравьеву подключился Петр Сибирев, и вдвоем они «убедили» Фролова. Он «рассказал», что это они с Михеевым изнасиловали и убили Савельеву.

Муравьев потребовал показать место, где зарыт труп. Под угрозами Фролов был вынужден «придумать» место убийства. Дважды на место выезжала оперативно-следственная группа с кинологом. Труп обнаружен не был. 19 сентября 1998 Фролов весь день провел в камере РУВД, а вечером был срочно отправлен в изолятор временного содержания.

Как признался Михеев

...Параллельно шел допрос Алексея Михеева. 16 сентября 1998 года его конвоировали в Ленинское РУВД г. Нижнего Новгорода. Там арестовали по подозрению в хранении боеприпасов. Основанием для возбуждения уголовного дела послужил протокол незаконно проведенного обыска, во время которого в автомашине Михеева были обнаружены три патрона.

С 17 по 19 сентября Алексей Михеев содержался в ИВС, где подвергался допросам. Официального обвинения в убийстве ему не предъявляли.

19 сентября, после признания Фролова и неудачных поисков трупа, Михеева начал допрашивать начальник ОУРа Иванников. Сотрудник РУВД Николай Костерин подключил к ушам Михеева клеммы и включил ток.

«Токовую терапию» провели несколько раз. Через час Михеев сознался в изнасиловании и убийстве Савельевой. Михеева сразу же перевели в другой кабинет, где его стал допрашивать заместитель прокурора области Муравьев. Алексей заявил, что невиновен, и повторил показания, которые давал до начала пыток. Муравьев распорядился «отвести его туда, откуда привели». Навесить клеммы на своего коллегу Михеева сотрудники милиции не успели: в кабинет постучали. После чаепития гости ушли.

Напарник Костерина продолжил прерванный визитом разговор:

– Я подключу ток еще сильнее, а клеммы навешу не к ушам уже, а к ... (гениталиям. – А.Ш.). Между прочим, если тебе неизвестно, у некоторых после пыток сильным током запрокидывается язык, и мы его потом булавкой достаем...

...По описаниям Михеева, после применения пыток состояние его психики было таково, что он сам начал сомневаться, убивал он или не убивал Савельеву. Страхась повторения пыток, Михеев признался в убийстве, но сказал, что не помнит, где зарывал тело. Ему не верили и говорили, что он как сотрудник ГАИ должен обладать хорошей зрительной памятью. В конце концов Михеев нарисовал схему места захоронения. Потом ему предложили сознаться еще в нескольких убийствах. Алексей согласился.

...Дело было фактически раскрыто. Милиционеры отошли от Алексея Михеева и стали пить чай. Михеев вскочил со стула, на котором его пытали, и, разбив стекло головой, выбросился из окна кабинета. Упав на милицейский мотоцикл, стоявший во дворе РУВД, он получил тяжелый компрессионный перелом позвоночника с разможением спинного мозга. Когда приехала машина «скорой медицинской помощи», с Михеева успели снять наручники.

В этот же день, 19 сентября 1998 года, «убитая» Мария Савельева пришла домой.

P.S.

Уголовное дело в отношении пытавших Михеева нижегородских сотрудников милиции по статье 111 УК РФ (доведение до самоубийства) было возбуждено прокуратурой самостоятельно и быстро – 21 сентября 1998. После этого в период с сентября 1998 по декабрь 2004 это уголовное дело прекращалось 9 раз. Прекращая уголовное дело, сотрудники прокуратуры указывали на отсутствие доказательств вины сотрудников милиции, а так же на то, что Михеев оговаривает милиционеров. Только после того, как жалоба Михеева была признана приемлемой Европейским Судом по правам человека, Генеральная Прокуратура РФ потребовала завершить расследование вынесением обвинительного

заклучения. Обвинительное заключение по делу было вынесено 30 июня 2005 г. Таким образом, процесс расследования обстоятельств, приведших к попытке самоубийства, занял в общей сложности более 6 лет.

Незаконные действия сотрудников Богородского РОВД разбирались в рамках отдельной процедуры. Родственники Михеева направили в прокуратуру жалобы на фальсификацию административного ареста и на проведение незаконных обысков. Прокуратура трижды отказывала в возбуждении уголовного дела по этой

жалобе. В итоге уголовное дело было возбуждено только в 2000 г., после активного вмешательства Нижегородского Комитета против пыток (в то время действовал как ИАЦ НОПЧ). Расследование по этому делу так же неоднократно прекращалось. В 2004 году прокуратура приняла решение о прекращении дела в связи с истечением сроков давности. С момента подачи жалобы прошло более 5 лет. При этом проверочные и следственные действия заняли не более 11 месяцев. Остальное время ушло на пересылку бумаг из одной инстанции в другую.

Ольга Шепелева, представитель Алексея Михеева в Европейском суде по правам человека:

Не имея возможности предугадать позицию, которую займет суд, тем не менее, хочется отметить, что решение по делу Михеева будет иметь большое значение для России: вопросы, поднимаемые этим делом, ранее европейским Судом не рассматривались. С 1998 г. Европейский суд вынес уже 4 решения по жалобам на нарушение ст. 3 Конвенции, запрещающей пытки и жестокое и унижающее достоинство обращение. Однако все эти четыре решения касались условий содержания в следственных изоляторах. Проблема пыток в милиции до настоящего времени судом не рассматривалась.

Кроме вопроса о пытках как таковых, представители Михеева пытались поставить перед Европейским судом еще два важных вопроса. Первый вопрос касается мер защиты задержанных от пыток. Михеев формально был задержан сначала как административный нарушитель, а затем как обвиняемый в незаконном хранении боеприпасов. Допрос Михеева по поводу хранения боеприпасов проводился в присутствии адвоката и в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. А вот нескончаемые допросы по поводу предполагаемого изнасилования и убийства процессуально оформлены не были. Они проводились в виде так называемых «оперативных бесед», то есть без протоколирования и в отсутствие адвоката, что и дало

сотрудникам милиции возможность оказывать на Михеева моральное и физическое давление.

Второй вопрос касался эффективности прокурорского расследования по жалобам Михеева на пытки. Как уже говорилось выше, расследование было начато в сентябре 1998 г. и тянулось более 6 лет с многократными перерывами. При этом в ходе расследования были допущены многочисленные нарушения, такие как необоснованные задержки в проведении следственных действий (например, прокуратура в течение 6 лет не проводила очные ставки Михеева и сотрудников милиции), необъективная оценка собранных по делу доказательств и пр. Представители Михеева надеются, что Европейский суд в своем окончательном решении рассмотрит эти вопросы и даст им надлежащую оценку. Помощь в этом суду могут оказать заключения, представленные российскими и зарубежными неправительственными организациями. В частности, группа российских НПО, включая Фонд «Общественный вердикт», направила в Страсбург анализ практики расследования жалоб на пытки в разных регионах РФ. Английская организация «Реддресс» представила в суд обзор норм международного права, устанавливающих критерии эффективности средств защиты жертв пыток (включая принципы проведения расследования по жалобам на пытки).

Российская Федерация: сотрудники милиции признаны виновными в применении пыток к задержанному

Два сотрудника российской милиции признаны виновными в совершении в сентябре 1998 г. преступлений, связанных с пытками задержанного гражданина Алексея Михеева. Районный суд Нижнего Новгорода вынес обвинительный приговор Игорю Сомову и Николаю Костерину и приговорил их к четырём годам лишения свободы. Однако, по данным неправительственной организации Нижегородский «Комитет против пыток» Сомов и Костерин – не единственные сотрудники правоохранительных органов, несущие ответственность за это преступление. Другие замешанные в этом деле работники милиции и прокуратуры пока не привлечены к ответственности.

Алексей Михеев продолжает добиваться полного восстановления справедливости, включая компенсацию за материальный и моральный ущерб.

Приветствуя решение суда, «Международная Амнистия» призывает к возмещению причинённого Алексею Михееву вреда в полном объёме. Для этого, среди прочего, необходимо привлечь к ответственности с соблюдением международных стандартов всех лиц, причастных к пыткам Михеева.

Выдержки из пресс-релиза «Международной Амнистии» от 30 ноября 2005 г.

Бывают примеры и беспричинного насилия, заканчиваются не столь трагически, как дело Михеева. В том числе — отмеченные внутримилицейским протестом. Ниже приводим один из них.

РАПОРТ командиру отряда ОМОН при ГУВД города Москвы

Докладываю о том, что 29 апреля 2004 года я, в соответствии с графиком и распорядком дня, вышел на службу после закрытия больничного листа в 8 часов 30 мин. Примерно в 8.55. я зашел в кабинет зам. командира роты Пыталова М.М., для того, что бы он сделал отметку на моем больничном листе.

Капитан милиции Пыталов М.М. не стал подписывать мой больничный лист, заявив мне, что это должен сделать зам. командира роты, лейтенант милиции Тумаков С.С. Через некоторое время в кабинет зашел Тумаков С.С., проверил у меня наличие служебного удостоверения и потребовал дать объяснение по поводу того, что я опоздал на службу. Он заявил, что в эту смену работа начинается с 8.00 часов, по поводу чего я должен был накануне позвонить и узнать изменения во времени заступления на службу.

По поводу требования Тумакова С. С. о даче объяснения я ответил, что не отказываюсь его дать, но мне необходимо некоторое время для того, что бы его написать и сослаться на нормативные акты, которые оправдывают приход на службу к 9.00 часам в смену 29.04.2004 г.

После этого Тумаков С. С. заявил, что своими правами отстраняет меня от службы и потребовал отдать служебное удостоверение личности.

На эти требования Тумакова С.С. я ответил, что отстранение от службы и изъятие служебного удостоверения личности в соответствии с ст. 16 Положения о службе, пункта 8.4. «Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел РФ», утвержденного приказом МВД РФ от 14.12.1999 г. № 1038, производится только в крайних, не терпящих отлагательства случаях. Опоздание на работу (которого с моей стороны фактически не было) не является таким случаем. Кроме этого, отстранение от службы производится либо по инициативе начальника, которому предоставлено право приема на службу, либо по постановлению следователя, с санкции прокурора. Таким образом, отстранить меня от службы может только начальник ГУВД г. Москвы, который принимает на службу офицерский состав ОМОН. Тумаков С. С. в данном случае явно превысил права, предоставленные ему занимаемой должностью.

После этого Тумаков С.С. начал меня оскорблять разными непрофессиональными выражениями, угрожал со мной разобратся. Я попросил соблюдать в разговоре со мной надлежащую служебную этику, но эта просьба не возымела действия. Мне ничего не оставалось делать, как достать свой личный диктофон и начать запись оскорбительных выражений Тумакова С. С. в свой адрес с целью последующего обжалования этих оскорблений.

Далее в кабинет зашел зам. командира 2 батальона майор милиции Солович О.М. Тумаков С.С. доложил Соловичу О.М., что я отказался добровольно сдать свое удостоверение личности, и попросил разрешения использовать личный состав ОМОН для изъятия у меня служебного удостоверения личности с применением физической силы. Солович О.М. такое разрешение в моем присутствии Тумакову С.С. дал, после чего вышел из кабинета.

Далее события развивались следующим образом.

Тумаков С.С. вышел из кабинета и через непродолжительное время вернулся в сопровождении милиционеров — бойцов моего взвода (подчиненных мне по службе сотрудников) — прапорщик милиции Ткач Б.А., прапорщик милиции Валабуев И.В., прапорщик милиции Твердов А.Н., так же вместе с ними зашел капитан милиции Храмов С.В.

Все эти сотрудники (5 человек) во главе с Тумаковым С.С. набросились на меня, завернули мне руки за спину, причинив мне боль, и учинили в отношении меня самочинный личный обыск, проверив все карманы форменной одежды, в которой я в этот момент находился. При этом у меня изъяли удостоверение личности, личный жетон, после чего все вышли из кабинета.

При всем этом присутствовал зам. командира роты по КиВР Пыталов М.М., наблюдая за происходящим, который, по выражению его лица, внутренне тяжело переживал случившееся, но вмешиваться в ситуацию не стал.

Через некоторое время я вышел из кабинета в коридор. В этот момент на меня набросились те же сотрудники, которые применяли ко мне физическую силу и самочинный личный обыск в кабинете Пыталова М.М. Вновь завернули мне руки за спину, обыскали карманы и изъяли из правого кармана брюк мой личный диктофон стоимостью 1300 рублей. В момент повторного обыска присутствующие нанесли мне несколько ударов в область головы, лица и спины. Я точно могу показать, что меня били: зам. командира роты Тумаков С.С. и мой подчиненный, прапорщик милиции Волобуев И.В. Закончилось все это тем, что меня бросили на пол коридора батальона, после чего все присутствующие удалились.

После всего этого я пошел на прием к заместителю командиру ОМОН полковнику милиции Глотову, но его на месте не оказалось (кабинет был закрыт). Затем я попытался доложить о случившемся командиру отряда, но у него в кабинете проходило совещание. В это время у меня от побоев и сильных душевных переживаний, связанных с применением ко мне насилия и должностного произвола, сильно заболела голова, и я ушел из расположения отряда, будучи отстраненным от службы и не имея служебного удостоверения личности.

Примерно в 10.30. я приехал в Профсоюз сотрудников милиции города Москвы (в котором я состою) по адресу: Большой Каретный пер., д. 15. На месте (в Профсоюзе) находились Председатель КС Профсоюза Пашкин М.П. и зам. начальника юридического отдела Носков В.А., которые направили меня в травмпункт и пообещали проинформировать о случившемся руководство ОМОН и ГУВД г. Москвы.

В 11.25 я прошел обследование в травмпункте поликлиники г. Москвы № 137, где у меня зафиксировали многочисленные ушибы мягких тканей головы и обоих плеч (копию справки прилагаю). Мне было так же рекомендовано обратиться в поликлинику по месту учета на предмет лечения возможного сотрясения головного мозга.

В связи с выше изложенным, заявляю, что в отношении меня были допущены явно

выраженные факты должностного произвола и беззакония, в том числе:

- незаконное отстранение от службы не уполномоченным на это должностным лицом с изъятием служебного удостоверения личности и личного жетона;
- самочинный обыск;
- незаконное изъятие личного имущества (диктофона стоимостью 1300 рублей с аудиокассетой стоимостью 50 рублей). Квалифицировать это деяние я затрудняюсь, так как не знаю, какую цель преследовали те, кто его совершил, но тем не менее, состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 286 УК РФ, здесь вполне можно применить;
- незаконное применение ко мне физической силы, не вызванное объективными причинами;
- нанесение побоев (ст. 116 УК РФ);
- оскорбление моей личности и достоинства, в присутствии моих подчиненных по службе (ст. 130 УК РФ);
- отдавание подчиненным мне по службе сотрудникам явно незаконного приказа о применении ко мне физической силы, самочинного обыска, изъятия удостоверения личности, личного жетона и диктофона.

В связи с вышеизложенным, прошу Вас:

1. Провести по данному случаю объективную служебную проверку. При проведении проверки прошу исключить участие в ней командного состава 2 батальона ОМОН, в связи с предвзятым ко мне отношением командира батальона, подполковника милиции Евтикова С.А. и большинства подчиненных ему по службе командиров.

2. Привлечь к строгой дисциплинарной ответственности всех сотрудников ОМОН, принимавших участие в совершенном в отношении меня случае должностного произвола и беззакония, как исполнителей, так и организаторов, с учетом степени их вины в совершенном деянии.

3. Обязать должностных лиц ОМОН, прямо или косвенно виновных в причинении мне моральных и физических страданий, принести мне извинения в присутствии подчиненного мне по службе личного состава взвода.

4. Возвратить мне, как сотруднику милиции, находящемуся на службе, служебное удостоверение личности и личный жетон офицера.

5. Возвратить мне в исправном состоянии изъятые у меня личные имущество — диктофон с аудиокассетой.

В случае неприятия мер к виновным по моему рапорту в соответствии с выше изложенными требованиями, я буду вынужден обратиться к вышестоящему руководству, в прокуратуру, суд и средства массовой информации.

Данный рапорт прошу зарегистрировать по внутреннему делопроизводству в соответствии с требованиями пункта 70.4. приказа МВД РФ от 01 марта 1999 г. № 150.

Приложение: копия справки травмпункта от 29.04.2004 г. на 1 листе.

29 апреля 2004 года

Командир взвода 2 ОБ ОМОН при ГУВД г. Москвы капитан милиции Карлов А.Н.

Грузия: пытки и жестокое обращение – через два года после «революции роз»

«Международная Амнистия» продолжает получать сообщения о пытках и жестокое обращение в Грузии. Тем не менее, многие случаи не становятся достоянием гласности, поскольку полиция скрывает свои преступления, а задержанные зачастую боятся жаловаться или называть виновников из страха последствий. Выражением озабоченности «Международной Амнистии» стала публикация ею в день второй годовщины событий, приведших к власти новое правительство, доклада **«Грузия: пытки и жестокое обращение по-прежнему являются предметом озабоченности после «Революции роз»**.

«Искоренение пыток и жестокого обращения должно сохраняться в качестве приоритетного вопроса в повестке дня правительства. Несмотря на принятие важных мер, правительству все еще предстоит пройти долгий путь. Для достижения прочных результатов, необходим долгосрочный подход,» заявила исследователь «Международной Амнистии» по Грузии Анна Зундер-Плассманн.

Как указывается в сообщениях, полученных «Международной Амнистией» в последние два года, методы, применяемые в ходе пыток или жестокого обращения с задержанными включают в себя: электрошок; помещение на голову задержанного полиэтиленового мешка; подвешивание задержанного к перекладине между двумя столами; причинение ожогов посредством сигарет или свечей; помещение дула пистолета в рот задержанного с угрозой выстрела; угрозы подвергнуть избиениям родственников задержанного; помещение в рот задержанного кляпа из куска ткани, с тем чтобы он не мог кричать; избиения, в том числе дубинками и ружейными прикладами, а также пинки ногами.

Эльдар Коненишвили, по сообщениям, избитый полицией и в настоящее время отбывающий тюремный срок в Тбилиси, рассказал «Международной Амнистии»:

«Сотрудники полиции начали избивать меня. Они ударили меня по пальцам левой руки ножкой от стула. Во время избиения вошли еще один полицейский и прокурор и стали обвинять меня в убийстве. Один из полицейских грозил избить мою жену, мать и детей, если я не признаюсь в совершении убийства. В ходе избиений я несколько раз терял сознание. У меня изо рта шла кровь и было нарушено зрение. Мне было трудно двигаться... Поначалу я не просил о докторе, потому что боялся.»

«Безнаказанность в отношении пыток и жестокого обращения по-прежнему является большой проблемой. В десятках случаев, по которым прокуратура возбуждала уголовные дела, виновные не были преданы суду. «Международная Амнистия» получила многочисленные примеры случаев, демонстрирующие, что расследования, проводимые по заявлениям

о пытках или жестокое обращение, не носили своевременного, объективного и независимого характера.»

«Международная Амнистия» призывает власти выполнить ряд рекомендаций, включая следующие:

■ Учредить орган, независимый от полиции, прокуратуры и судебной системы, для осуществления пересмотра результатов расследований, проведенных сотрудниками правоохранительных органов по заявлениям о пытках и жестокое обращении, а также судебных слушаний по подобным делам. Этот орган должен быть наделен полномочиями представлять свои выводы, делать рекомендации соответствующим органам власти, а также издавать доклад, доступный широкой публике.

■ Своевременно, тщательно и беспристрастно расследовать все заявления о пытках и жестокое обращение, в том числе посредством опроса пострадавших и свидетелей.

■ Своевременно проводить экспертные медицинские освидетельствования во всех случаях, связанных с заявлениями о пытках или жестокое обращение,

включая жестокое обращение преимущественно психологического характера.

■ Уделять особое внимание пресечению пыток и жестокого обращения в регионах Грузии за пределами столицы, поскольку до сих пор многие программы были сосредоточены лишь на столице, Тбилиси.

■ Запретить использование масок или других средств сокрытия личности должностных лиц. Делать исключения только в случае необходимости подобных мер в целях личной защиты или безопасности заинтересованных должностных лиц или по аналогичным причинам. В подобных случаях, особенно важна необходимость установления личности каждого сотрудника, в том числе специальных полицейских подразделений, с помощью прослеживаемого индивидуального опознавательного номера.

■ Грузия является участником ряда международных договоров по правам человека, содержащих меры, которые необходимо принимать правительствам в целях предотвращения пыток и иного жестокого обращения со стороны официальных должностных лиц; проведения соответствующих расследований подобных заявлений; и возмещения ущерба.

Краткая справка

Правительство, пришедшее к власти вслед за «Революцией роз» в ноябре 2003 г., унаследовало систему, в которой пытки и жестокое обращение были широко распространены, а виновные в их совершении, как правило, оставались безнаказанными. В месяцы, последовавшие за сменой правительства, положение явно ухудшилось. Однако, во второй половине прошлого года правительство признало необходимость решения проблемы пыток и жестокого обращения.

В настоящее время борьба с пытками и жестоким обращением является одним из ключевых вопросов на повестке дня нового правительства в области прав человека. В последние месяцы в ответ на непрекращающиеся сообщения о пытках и жестокое обращение грузинские власти представили или провели ряд мер. Десять сотрудников полиции, осужденных после «Революции роз», как полагают, отбывают тюремные сроки за преступления, равносильные пыткам или жестокому обращению. Под эгидой омбудсмана осуществлялся всесторонний мониторинг и был усилен ряд правовых гарантий.

Послужной список правительства в области прав человека носит разноречивый характер. Несмотря на ряд позитивных шагов, предпринятых в некоторых сферах защиты прав человека, росла озабоченность «Международной Амнистии» в связи с давлением на судебную систему со стороны прокуратуры и других правительственных органов, с заявлениями о посягательстве правительства на свободу средств массовой информации, в частности, в отношении телевидения, и с заявлениями о продолжающейся практике фабрикация полицией уголовных дел в многочисленных случаях, в частности, по обвинениям, связанным с наркотиками. Организация также обеспокоена тем, что несмотря на привлечение к судебной ответственности нескольких лиц, виновных в насильственных нападениях на представителей религиозных меньшинств, имевших место за последние годы, сотни продолжали пользоваться безнаказанностью. Среди других вопросов, вызывающих озабоченность: непрекращающаяся угроза экстрадиции или насильственного возвращения лиц в страны, где они рискуют подвергнуться таким серьезным нарушениям прав человека, как пытки. Также остаются нерешенными многие вопросы, связанные с непризнанными на международном уровне отделившимися территориями Южной Осетией и Абхазией.

См. «Грузия: пытки и жестокое обращение по-прежнему являются предметом озабоченности после «Революции роз»» (<http://www.amnesty.org/library/index/engneur560012005>)

Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках в Узбекистане*

Ратифицировав Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Конвенцию против пыток, Узбекистан взял на себя обязательства по обеспечению того, чтобы никто не подвергался пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижительному обращению и наказанию.

В бесконечных заявлениях, поступающих от заключенных, их родственников, наблюдателей-правозащитников, международных правозащитных организаций и дипломатов, утверждается, что обвиняемые в преступлениях, предусматривающих смертную казнь, подвергаются пыткам. В Узбекистане многие, кто фиксирует и распространяет эту информацию, подвергают себя большой опасности. Поскольку конфиденциальные беседы между обвиняемыми и их родственниками или адвокатами фактически невозможны, обвиняемые, которые, тем не менее, решаются говорить о том, как с ними обращаются, или передать родственникам письмо, минуя цензуру, оказываются в особенно уязвимом положении.

Пытки применяются как к подозреваемым, которым еще не были предъявлены обвинения, так и к обвиняемым в период досудебного задержания. Часто это делается с целью заставить их подписать признание. Подобная практика делает возможным появление недостоверных «признаний», использование которых в суде может затем привести к судебной ошибке. Как сообщают, после суда осужденные на смертную казнь продолжают подвергаться пыткам и жестокому обращению.

После визита в Узбекистан в ноябре-декабре 2002 г. Специальный докладчик ООН по вопросам пыток пришел к заключению о том, что в Узбекистане «пытки и аналогичные виды жестокого обращения носят систематический характер» и «похоже, применяются без разбора в отношении лиц, обвиняемых в деятельности, которая квалифицируется как тяжкие преступления, например, действия против государственных интересов, а также в отношении мелких преступников и других лиц». Докладчик также отметил, что «отмена смертной казни станет позитивным шагом на пути к соблюдению запрета на пытки и другие формы жестокого обращения». Он рекомендовал узбекским властям «ввести мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение и в оперативном порядке серьезно рассмотреть вопрос об отмене смертной казни».

На встрече с представителями делегации Международной Амнистии в июне 2003 г. глава отдела по надзору за соблюдением законов в сфере международных и межнациональных отношений Генеральной прокуратуры Алишер Мухаммедов категорически опроверг возможность применения пыток в Узбекистане. Он сказал: «Пытки – это то, что связано с инквизицией или фашизмом. У нас их нет».

«Международная Амнистия» полагает, что сохранение смертной казни в обстановке, когда власти не только не принимают решительных мер по предупреждению пыток в стране, но и не признают их систематического характера, является особенно опасным.

* представлен Тео ван Бовеном в феврале 2003 г. по итогам его визита в 2002 г.

Обвиняется милиция Ташкентской области

В письме, тайно переданном из тюрьмы, **Дмитрий Чикунов** описывает жестокое обращение, которому он подвергся в УВД Ташкентской области после того, как 17 апреля 1999 г. он был задержан в связи с расследованием убийства:

Еще до приезда в УВД один оперативник ... зажал мне голову дверцей от машины, после этого несколько раз ударил ногой в пах. ... Он бил меня наотмашь локтем и рукой. [В отделении оперативники], приковав к стене, стали избивать [меня], кто чем мог. ... Мне снова надели наручники за спиной на руки, впятером или шестером стали раскачивать и, подбросив к потолку, раз ошлись. Я упал спиной вниз на пол, от боли я уже ничего не помню, я даже не мог говорить, меня как будто парализовало. Меня подбросили четыре раза. ... Они связали мне руки за спиной, а на голову надели противогаз. Следовательно зажал мне трубку для дыхания и орал, чтобы я признавался, что я – убийца. ... Тогда они положили меня на пол и, встав кто на шею, кто на руки, кто на спину, кричали: «Вот сейчас мы тебе вставим член [вырезанный из камня] в задницу, сфотографируем и пошлем в тюрьму, а там таких очень «любят!» Тут один, который стоял на [моей] спине, подпрыгнул и изо всей силы ногами ударил меня по позвоночнику. От боли я задохнулся, они... стали бить дубинками по ногам.

Он сообщил, что сотрудники милиции угрожали изнасиловать его и его мать, если он не признается в убийстве. После наступления темноты они инсценировали расстрел на месте преступления и угрожали убить его до тех пор, пока он не согласился подписать признательные показания.

Дмитрий Чикунов был затем осужден по обвинению в участии в убийстве двух человек и 11 ноября 1999 г. приговорен к смертной казни Ташкентским областным судом. Двадцать четвертого января 2000 г. Верховный Суд отклонил его апелляцию, и приговор был в тайне приведен в исполнение 10 июля 2000 г.

По сообщениям, после задержания в начале марта 2001 г. **Алланазар Курбанов** подвергался пыткам в отделении милиции Хазарапского района Хорезмской области. Его родственники и адвокат утверждают, что его и проходившего по тому же делу **Юсупбая Султанова** заставили признаться в убийстве шести членов семьи Абдуллаевых под пытками и психологическим давлением. Алланазару Курбанову, как сообщают, надевали на руки наручники, а

на голову мешок, били ногами и обжигали руки. Он писал в письме, которое тайно передал родственникам: «[Заместитель начальника] ... кричал, чтобы я целовал землю, а затем несколько раз ударил меня по шее ногой, а я в это время лежал на животе. От дикой боли я чуть не потерял сознание, но я говорил ему, что никакого убийства не совершал. Тогда этот зам приказал, чтобы меня заставили признаться в течение трех дней». 11 апреля 2001 г. Хорезмский областной суд приговорил обоих мужчин к смертной казни за убийство.

Многим содержащимся под стражей вследствие пыток и жестокого обращения требуется медицинское лечение. Однако просьбы о визите врача или посещении больницы практически всегда остаются без удовлетворения.

Травмы оставлены без лечения

Как сообщают, двадцатилетнему слесарю **Валерию Агабекову** было отказано в медицинском лечении после того, как в феврале 2001 г. он и его шурин **Андрей Анненков** подверглись пыткам со стороны сотрудников милиции г. Ахангаран Ташкентской области. Позднее Валерий Агабеков написал:

Мне сломали челюсть, поэтому я не могу есть. ... [Они] пытались меня изнасиловать. Я был прикован наручниками к батарее... меня стали бить головой об батарею, потом надели целлофановый мешок на голову, а следователь орал: «Признайся или сдохнешь до суда». Дышать было нечем, кровь лилась ручьем. Я несколько раз терял сознание. Я только одно повторял: Я не виноват». ... Я просил врача, но следователь сказал, что может вызвать мне только могильщика. У него [Андрея Анненкова] сломаны ребра, выбиты зубы, и мочился он, как и я, кровью.»

18 сентября 2001 г. приговором Ташкентского областного суда оба мужчины были осуждены за грабеж и убийство двух женщин к смертной казни. 23 апреля 2003 г. Верховный Суд смягчил приговоры, заменив смертную казнь 12 годами лишения свободы. В связи с данным делом было организовано мощное международное давление

Являясь участником Конвенции ООН против пыток, Узбекистан обязан проводить быстрое и беспристрастное расследование всех заявлений о пытках (ст. 12 Конвенции). Однако информация о проведении расследований по сообщениям о пытках и жестоким обращении с лицами, находящимися в местах предварительного заключения и обвиняемым в преступлениях, караемых смертной казнью, отсутствует.

«Международная Амнистия» довела до сведения официальных органов в Узбекистане десятки таких дел, однако очевидно, что соответствующие должностные лица – прокуроры, судьи всех уровней и уполномоченный Парламента по правам человека (омбудсмен) – неизменно оказывались не в состоянии начать быстрое, тщательное и беспристрастное расследование. Власти, как правило, ограничивались стандартным ответом, категорически отрицая применение силы, но не сообщая, какие конкретно шаги предпринимались, чтобы прийти к этому выводу, и на основании чего он был сделан.

Омбудсмен не проводит тщательного расследования

В своем письме Международной Амнистии от 13 августа 2001 г. Уполномоченный по правам человека в Узбекистане (омбудсмен) Сайора Рашидова сообщила, что предварительное и судебное следствие по делу **Максима Стрхова** и **Нигматулло Файзуллаева** проводилось «без применения... недозволенных методов». Однако она не уточнила, каким образом были сделаны эти выводы. Международная Амнистия получила сообщения о том, что оба мужчины подвергались жестокому избиению со стороны сотрудников милиции в течение более чем трех дней после их ареста в 2000 г. Из последующих сообщений можно предположить, что после этого их не посещали и с ними не беседовали никакие должностные лица, в том числе и Уполномоченный по правам человека, расследовавшие заявления о пытках и жестоком обращении с ними со стороны сотрудников милиции.

В рамках Конвенции против пыток Узбекистан обязан также обеспечить, чтобы признания, сделанные под пыткой или в результате жестокого обращения, не использовались в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток (ст. 15). Узбекские судьи в ответ на заявления подсудимых или их адвокатов о применении пыток, как правило, просят представить в качестве доказательства медицинское заключение. Но следователи и прокуроры, обладающие дискреционными полномочиями в решении вопроса о предоставлении допуска медицинских работников к лицам, находящимся в предварительном заключении, чаще всего оставляют без внимания просьбы задержанных или их представителей предоставить им такой допуск.

В завершение своего визита в Узбекистан Специальный докладчик ООН по вопросам о пытках заявил, что «множество признаний, полученных под пыткой и в результате применения иных недозволенных средств... были использованы в качестве доказательств в ходе судебных разбирательств, в том числе тех, которые могут вести к назначению смертной казни или крайне строгого приговора».

Содержание под стражей без права переписки и свиданий. Признания под пыткой

Как сообщают, обвиняемые по одному известному политическому делу подвергались пыткам, находясь под стражей без права общения. Один из них, **Искандар Худоберганов**, был задержан в Таджикистане и передан узбекским правоохранительным органам 5 февраля 2002 г. по подозрению в причастности к взрывам в г. Ташкенте в феврале 1999 г. По имеющимся данным, 12 февраля 2002 г. он был переведен из Министерства внутренних дел в здание Службы национальной безопасности в г. Ташкенте. Назначенный государством адвокат уведомил его родственников о задержании лишь 18 марта 2002 г. Разрешение на первое посещение было дано только 5 апреля. В письме, которое Искандару Худоберганову тайно удалось передать своей семье, он сообщил, что его пытали и заставляли принимать наркотики:

Они пытали меня, чтобы я признался во всем, в чем они меня обвиняли. Если бы я в конце не подписал признание, меня бы уже не было в живых. У меня внутри как будто все разбито... В подвале Министерства внутренних дел... они связали мне руки за спиной, били дубинками и стульями, ногами по почкам. Они били меня головой о стену, пока не пошла кровь. Мне не давали спать... не давали есть, чтобы я признался. Они сказали: «Подумай о своих родственниках, своей матери, жене, сестре, подумай об их чести. Мы приведем их сюда и изнасируем на твоих глазах». Только после этого я уступил и подписал все, что они хотели... Я надеялся на справедливый суд и поэтому мог терпеть все эти страдания и пытки.

Искандар Худоберганов и пять других обвиняемых по этому делу предстали перед Ташкентским городским судом в августе 2002 г. Их судили по статьям «попытка свержения конституционного строя» и «организация преступного сообщества». Искандар Худоберганов обвинялся также в преступлениях, предусматривающих высшую меру наказания – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и терроризм. Ему вменялось в вину прохождение военной подготовки на территории Чечни (в Российской Федерации) и в Таджикистане с целью свержения узбекского правительства. И он, и проходившие по этому делу **Бекзод Касымбеков** и **Носир-хон Хакимов** заявили в суде, что к ним применяли пытки и недозволенное обращение. Искандар Худоберганов сообщил, что несколько жалоб на пытки и жестокое обращение, которые он составил в период предварительного заключения, были порваны сотрудниками охраны. Свидетель обвинения **Фархад Кадыркулов** на суде отказался от сделанного им ранее в милиции заявления, ссылаясь на то, что на него оказывали давление с целью вынудить его дать ложные показания. Судья, как сообщают, отклонил все жалобы на пытки и

жестокое обращение, обвинив подсудимых в том, что они «все выдумывают», чтобы «избежать уголовной ответственности».

28-го ноября 2002 г. шесть подсудимых были приговорены к различным видам наказания главным образом на основе показаний, сделанных, как сообщают, под пыткой. Искандар Худоберганов был приговорен к высшей мере наказания, а пятеро других подсудимых – к лишению свободы на срок от шести до шестнадцати лет. Президиум Ташкентского городского суда 28 января 2003 г. отклонил апелляцию, оставив приговоры без изменений. Позднее апелляция была также отклонена Коллегией судей Верховного Суда и одним из высших органов Верховного Суда – Президиумом. Комитет ООН по правам человека призвал узбекские власти отложить исполнение смертного приговора на время рассмотрения дела. Данное дело упоминалось также Специальным докладчиком ООН по вопросу о пытках во время его визита в Узбекистан.

В конце 1997 г. в Наманганской области, в Ферганской долине были жестоко убиты несколько сотрудников милиции и областных чиновников, что вызвало волну массовых арестов и задержаний. По сообщениям правозащитников, сотрудники правоохранительных органов подвергали пыткам и жестокому обращению лиц, подозреваемых в принадлежности к независимым исламским группам или связях с независимыми имамами. В результате судебных процессов, проведенных с нарушением международных стандартов, один человек был приговорен к смертной казни и десятки к длительным срокам лишения свободы. Среди них были:

- **Талиб Мамаджанов, который** признался в совершении убийств, назвав их орудием исламской справедливости. В июле 1998 г. приговором Верховного Суда Узбекистана он был осужден на смертную казнь. Как сообщают, он стал первым человеком в стране, приговоренным к высшей мере наказания по обвинениям, в числе которых был «религиозный экстремизм». По сообщениям независимых наблюдателей, во время процесса на Талибе Мамаджанове и семи других подсудимых по этому делу, приговоренных к длительным срокам тюремного заключения, были явно видны признаки побоев и жестокого обращения. Талиб Мамаджанов, похоже, был нездоров и один раз даже потерял сознание. Во время одного из слушаний он не мог ни сидеть, ни стоять – как сообщают, в результате пыток – и был вынужден давать показания лежа.

- Несколько других подсудимых заявили суду, что подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников милиции. По заявлению **Носира Юсупова**, приговоренного к десяти годам лишения свободы, его душили, надевая на голову полиэтиленовый пакет, и применяли пытки с использованием электрического шока.

- **Изроил Парпибев**, приговоренный к девяти годам лишения свободы, сообщил, что его пытали электрическим шоком, обливали ледяной водой и выгоняли зимой в тюремный двор без одежды. Он сказал, что ему вводили бутылку в задний проход, а также лили водку на раны. Суд не предпринял никаких действий с целью расследовать жалобы на применение пыток и определить, не были ли показания обвиняемых получены под давлением.

Содержание номера

«МЕЖДУНАРОДНАЯ АМНИСТИЯ»	1
Российские власти продолжают преследовать бывших узников Гуантанамо	1
Американские власти наложили строгий запрет на посещение узников Гуантанамо	2
О проекте британского закона «О борьбе с терроризмом»	3
Узбекистан: правда на осадном положении	4
Ирак: судебный процесс над Саддамом Хусейном обязан быть показательно справедливым	5
Туркменистан: подавление инакомыслия и религиозных свобод продолжается	6
Рекомендации МА сессии Ассамблеи государств-участников Международного Уголовного Суда	8
Станислав Дмитриевский – потенциальный узник совести	9
Спецслужбы не впустили в Россию наблюдателя по уголовному делу против Станислава Дмитриевского	9
ДАЖЕ В XXI ВЕКЕ ПРИХОДИТСЯ БОРЬТЬСЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТОК	10
Программа МА по предупреждению пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания со стороны представителей органов власти	12
Содержание под стражей в полиции	13
Стамбульский протокол (Принципы эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания)	14

Центральная Азия: пытки применяются по-прежнему	15
Пикет МА перед посольством Узбекистана в Москве	15
Представляем Международный совет по реабилитации жертв пыток ..	16
Предупреждение пыток и борьба против безнаказанности палачей ..	16
Реабилитация детей, переживших пытку	18
Пытки и террор	19
Сиросская декларация о пытках, терроризме и войнах	20
Пора принять меры: пытки и жестокое обращение с задержанными в милиции в Украине	20
Российская Федерация: первый шаг в правильном направлении ..	21
«Вопрос о пытках в России по-прежнему актуален...»	21
Дискуссия о применении пыток в России	22
Пытки в России: пишем Президенту, отвечает прокуратура	23
Сколько стоит попытка в милиции? И кто будет платить?	23
Рекомендации круглого стола в Госдуме «Правовые механизмы противодействия пыткам, насилию и другим злоупотреблениям властью на досудебной стадии уголовного производства»	24
Камера пыток на 143 миллиона человек	27
Правозащитный СОБР против зачисток ОМОНа	28
Обыкновенная история	29
«Электротерапевты» не щадят своих коллег	30
Российская Федерация: сотрудники милиции признаны виновными в применении пыток к задержанному	31
Рапорт командиру отряда ОМОН при ГУВД города Москвы	32
Грузия: пытки и жестокое обращение – через два года после «революции роз»	33
Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках в Узбекистане ..	34
Что означает «криминализация пыток»?	36

Что означает «криминализация пыток»?

В соответствии со ст.1 Конвенции ООН против пыток, «пытка» означает:

«Любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

Таким образом, с точки зрения международного договора РФ, состав деяния «пытка» включает в себя три основных элемента: причинение боли или страдания, наличие специфической цели (получение информации, наказание и т.п.), а также участие должностного лица государства.

Ст.4 Конвенции ООН против пыток обязывает участвующие в Конвенции государства, чтобы все акты пытки рассматривались в соответствии с их уголовным законодательством как преступления. То есть, устанавливается обязанность криминализации деяний, определенных в ст.1 Конвенции.

В 2002 г. Комитет ООН против пыток, проанализировав уголовное законодательство РФ, в частности, ст.117 и 302 УК РФ, рекомендовал властям РФ:

«Безотлагательно включить во внутреннее законодательство определение понятия «пытка», содержащееся в статье 1 Конвенции, и определить во внутреннем законодательстве пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в качестве конкретных преступлений, влекущих за собой соответствующие наказания».

Во исполнение указанной рекомендации в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О внесении дополнений и изменения в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ», подразумевающий введение в УК РФ статьи 117-1 в следующей редакции: «Пытки, то есть причинение должностным лицом либо с его ведома или молчаливого согласия иным лицом физических или нравственных страданий с целью принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также с целью наказания либо в иных целях».

Указанный законопроект был принят в первом чтении 19 марта 2003 г. Однако 17 ноября 2004 г. законопроект был депутатами отклонен и снят с рассмотрения. При этом было указано, что законопроект утратил свою актуальность, поскольку в декабре 2003 г. в ст.117 УК РФ было внесено изменение, в котором было раскрыто понятие «пытка».

Действительно, в декабре 2003 г. ст.117 УК РФ (истязания) была дополнена следующим примечанием: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

Сравнив определение, данное в этом примечании, со ст.1 Конвенции ООН против пыток, мы можем уведеть, что указанное определение содержит только два элемента состава «пытка», как он установлен в международном договоре РФ: причинение боли и страданий и наличие специфической цели. Однако такого важного элемента как участие должностного лица не содержится в дополнении к ст.117 УК РФ.

Таким образом, внесенные в декабре 2003 г. поправки в УК РФ усиливают защиту от покуше-

ния на физическую неприкосновенность личности только со стороны частных лиц. Пытки, совершаемые должностными лицами, так и не нашли должного определения в российском уголовном законодательстве.

Этот вывод также подтверждается практикой российских судов и органов прокуратуры. Органы прокуратуры как правило квалифицируют факты пыток как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Судебные органы, рассматривавшие факты применения пыток сотрудниками правоохранительных органов, также выносили приговоры по ст. 286 УК РФ. Известны единичные случаи, когда российские судебные и прокурорские органы использовали для квалификации пыток другие статьи УК (например, ст.302 – принуждение к даче показаний, ст.110 – доведение до самоубийства и ст.116 – побои). Случаев квалификации пыток, совершенных должностными лицами, по ст.117 УК РФ правозащитным организациям не известны. В 4-м периодическом докладе РФ о соблюдении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, так же не приводится данных о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц за применение пыток по ст.117.

Из-за отсутствия в уголовном праве РФ адекватного определения пытки, правоприменитель не может в полной мере осознавать ее общественную опасность и ее характеристики как преступления, что, несомненно, негативно сказывается на эффективности борьбы с этим нарушением. Кроме того, отсутствие специальной статьи в УК препятствует ведению правоохранительными органами и судами статистики по числу зарегистрированных заявлений о пытках и числу вынесенных приговоров за пытки. Это, в свою очередь, не позволяет государственным органам оценивать ситуацию с пытками и применять эффективные профилактические меры.

Ольга Шенелева, юрист Центра «Демос»